
ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

PROBLEMS OF CIVIL AND ARBITRATION PROCEDURE

Научная статья

УДК/UDC 349:347

DOI: 10.21779/2224-0241-2024-50-2-119-128

Необходимость судебной защиты нарушенных прав эмбриона и плода человека как квазисубъектов права

Н.Р. Бешлей

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация, Арбитражный суд Свердловской области, г. Екатеринбург, Российская Федерация, beshley.nikita@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-3769-5317>

Аннотация. В данной статье внимание уделяется существующей в рамках действующего законодательства пробельности относительно необходимости развития института судебной защиты в направлении ещё не родившихся детей. Основная цель данного исследования заключается в рассмотрении института судебной защиты с уклоном на необходимость защиты нарушенных прав квазисубъектов права (эмбриона и плода человека). Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: определить признаки института судебной защиты; дать определения понятиям «эмбрион человека» и «плод человека»; рассмотреть судебную практику в целях определения существующих неточностей в действующем законодательстве; предложить пути решения имеющихся законодательных пробелов. Для проведения исследования по выбранной теме были использованы методы общенаучного познания, а также специальные методы: анализ и синтез. В рамках проведённого исследования удалось установить имеющиеся законодательные неточности, возникновение которых связано с быстрым развитием самих общественных отношений, в связи с чем не удаётся вплотную приблизиться к возникающим отношениям. Сделан вывод о необходимости законодательного реформирования, а также предложены рекомендательные пути решения существующих проблем, дабы поставить законодательное регулирование на рельсы с существующей действительностью.

Ключевые слова: эмбрион человека; плод человека; квазисубъект права; особое правовое явление «*sui generis*»; судебная защита; судебная власть; законодательная пробельность; суд; компенсация морального вреда; гарантия прав и свобод человека и гражданина; законодательное реформирование

Для цитирования: Иваненко И. Н., Миташова А. А. Об использовании искусственного интеллекта в административном судопроизводстве // Юридический вестник ДГУ. 2024. Т. 50, № 2 (70). С. 119–128. DOI: 10.21779/2224-0241-2024-50-2-119-128

Original article

The need for judicial protection of the violated rights of the human embryo and fetus as quasi-subjects of law

Nikita R. Beshley

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation, Arbitration Court of the Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Russian Federation, beshley.nikita@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-3769-5317>

Abstract. In this article, attention is paid to the gap existing within the framework of current legislation regarding the need to develop the institution of judicial protection in the direction of unborn children. The main purpose of this study is to consider the institution of judicial protection with a focus on the need to protect the violated rights of quasi-legal entities (human embryo and fetus). To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: to identify the signs of the institution of judicial protection; to define the concepts of "human embryo" and "human fetus"; to review judicial practice in order to identify existing inaccuracies in current legislation; to propose ways to address existing legislative gaps. To conduct research on the chosen topic, methods of general scientific knowledge were used, as well as special methods: analysis and synthesis. Within the framework

of the conducted research, it was possible to establish the existing legislative inaccuracies, the occurrence of which is associated with the rapid development of public relations themselves, in accordance with which it is not possible to come close to the new emerging relations. It is concluded that legislative reform is necessary, and recommended ways to solve existing problems are proposed in order to put legislative regulation on track with the existing reality.

Key words: human embryo; human fetus; quasi-subject of law; special legal phenomenon «*sui generis*»; judicial protection; judicial authority; legislative gap; court; compensation for moral harm; guarantee of human and civil rights and freedoms; legislative reform

For citation: Beshley N. R. The need for judicial protection of the violated rights of the human embryo and fetus as quasi-subjects of law. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2024, vol. 50, no. 2 (70), pp. 119–128. DOI: 10.21779/2224-0241-2024-50-2-119-128 (In Russ.).

Не секрет, что система государственной защиты прав и свобод человека выступает в качестве характеризующего признака наличия в стране демократических начал, в коей такие правовые идеи поддерживаются и развиваются. Именно судебная власть обладает исключительной ролью в защите прав и свобод каждой личности без исключения, в рамках которой процветают основы судебной защиты, представляющие собой механизм по принудительному обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина, который установлен государством посредством создания системы специализированных и автономных органов – судов.

Данная тема является актуальной, поскольку действующая реальность пытается обратить на себя внимание сведущих людей, являющихся как теоретиками, так и практиками юриспруденции, на отсутствие должного регулирования правового положения таких квазисубъектов права, как эмбриона и плода человека, в результате чего наблюдается правовая неопределённость и, как следствие, отсутствует возможность ответить на вопрос: «Кто они?» – объекты права, субъекты права либо же ещё не родившиеся дети, выступающие в качестве элементов особого правового явления «*sui generis*», что само по себе затрудняет производство должной судебной защиты.

Предваряя процесс приведения примеров в пользу развития судебной защиты в данном ключе, а также рекомендаций по законодательному совершенствованию, стоит начать с общих моментов, определив сущность судебной защиты, а также сущность самого эмбриона и плода человека.

Все мы знаем ещё с курса истории развития судебной системы, что тысячелетиями люди искали компромисс между справедливостью и законом, между благом общества и правами личности. Конечно, первоначальные отношения отличаются своей простотой, поскольку их регламентация основывалась на социальных нормах, которые возникли в результате исторически сложившегося правила поведения, вошедшего в привычку, однако с течением времени в результате усложнения и развития самого общества совершенствуется механизм обеспечения судебной защиты и сам институт [1].

Стоит напомнить, что ст. 45 Конституция Российской Федерации в качестве одной из осно-

вополагающих гарантий закрепляет государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, при этом ст. 46 Основного закона указывает на наличие у каждого гарантированной судебной защиты прав и свобод, не раскрывая, однако, характеристику самой судебной защиты.

Для раскрытия сущности вышеназванного института учёные-конституционалисты, в частности, Е.Д. Костылева и И.А. Умнова-Конюхова [2, с. 10], предлагают его исследовать в качестве нормативной организационной системы с использованием широкой теоретической конструкции, суть которой заключается в ведении определённого рода механизмов, включающих в себя средства и процедуры защиты.

Если говорить про средства защиты, то А.Б. Стёпин [3] определяет их как в качестве материальных объектов, важных и нужных для осуществления защиты нарушенных права, так и в качестве опосредованного выражения защиты, которое осуществляется благодаря нормативным, а также процессуальным документам, элементам юридической техники и др.

Нельзя не согласиться с точкой зрения учёного, поскольку средства защиты, исходя из своей природы, необходимы для того, чтобы восстановить нарушенное право.

Также в научных кругах принято выделять форму защиты в качестве одного из элементов судебной защиты прав и свобод, являющуюся комплексом особых мер, осуществляемых правоприменительными органами, деятельность которых направлена на восстановление нарушенного права [4].

При этом формы защиты права принято разделять на следующие виды:

- юрисдикционную, суть которой заключается в обращении лица, чьё право было нарушено, за защитой в государственный орган;
- неюрисдикционную, когда лицо самостоятельно предпринимает меры по восстановлению своих нарушенных прав;
- гражданско-правовую, международно-правовую, а также иные виды, определяемые как отрасли права, так и сферой общественных отношений.

В целях раскрытия сущности судебной защиты, стоит указать, а также охарактеризовать, основные признаки вышеуказанного института, кото-

рые, в свою очередь, придают ему отличительные черты, отграничивая от иных форм государственной защиты.

К таковым признакам относятся следующие из них:

1. Особый объект судебной защиты – общественные отношения, защита которых осуществляется исключительно в рамках осуществления правосудия [5].

2. Универсальный (общественный) характер – наличие неперсонифицированности, отсутствие ограничений по формальному признаку при обращении за восстановлением нарушенных прав, что помогает, не дожидаясь какого-либо законодательного предписания, в реализации права каждого на судебную защиту [6].

3. Юридическая процедурность – строгий, формально установленный порядок, в соответствии с которым происходит установление истины в деле, которая выражается в виде материального носителя – решения, отличающегося законностью, обоснованностью и справедливостью [7].

4. Судебный акты – как средство реализации судебной защиты – сущность данного признака заключается в том, что судебная деятельность, а также её результаты объективируются, то есть подлежат документальному оформлению в судебные акты, в которых выражается судебная воля, а также обязательность её исполнения и др. [8]

Вышеперечисленные признаки определяют отличительные черты судебной деятельности, конечной целью которой является надлежащее обеспечение соблюдения и реализации гражданином своих прав.

Если говорить про носителей прав на судебную защиту, то центральной фигурой выступает человек, раскрытие правового статуса которого осуществляется через призму таких правовых категорий, как – «индивид», «гражданин», «личность» и иные, что позволяет сделать вывод о наличии и закреплении такого права абсолютно за каждой «живой душой», являющейся по природе своей человеком, в соответствии с чем эмбрион, а тем более, плод человека не могут быть лишены такого права, хотя бы в силу наличия у них характерных черт, схожих с чертами полноценного человека, появившегося на свет, а также на протяжении долгого времени после отделения от организма матери.

Также стоит отметить и институт судебного представительства, который в большинстве случаев играет важную роль в обеспечении заинтересованного лица квалифицированной юридической помощью, поскольку порой раскрытие и понятие сути законодательного акта требует от юриста наличия у него как теоретической базы, которая способствует без затруднений найти ответ на интересующий вопрос в нужной отрасли права либо в определённом нормативном правовом акте, так и практической базы, благодаря которой с учётом сложившейся

правоприменительной практики становится возможным «следовать в ногу со временем».

Относительно эмбриона и плода человека, как квазисубъекта судебной защиты, необходимо отметить следующее.

В современном мире установилось три точки зрения касательно правового положения эмбриона. Первая из них заключается в косвенном признании эмбриона полноправным субъектом правоотношений в силу наличия ряда норм, обеспечивающих признание и охрану некоторых имущественных прав, а также жизни и здоровья нерождённых детей [9].

Научная работа А.М. Зайцевой [10] является ярким примером изучения новых рубежей человеческого существа, которая посвящена рассмотрению жизни эмбриона в качестве объекта конституционно-правового регулирования с предложениями по включению его в структуру правоотношений в качестве субъекта права с наделением соответствующей правоспособностью. Автором акцентируется внимание на том факте, что на сегодняшний день наличествует законодательное регулирование по определению границ естественных прав человека, где за основу возникновения правоспособности взят момент рождения, а за её прекращение – момент смерти. Законодательная связь возникновения и прекращения правоспособности человека с биологическими явлениями, при всей своей наблюдающейся переплетённости, не позволяет рассматривать правоспособность как одну из биологических свойств человека, поскольку, выступая в качестве социально-правового свойства, определение которого регламентируется нормами права, а также в качестве юридического основания по наделению субъективными правами, не формируется в силу природы человека. В работе автора можно обнаружить, что традиционный способ наделения правоспособностью человека, связанный с моментом рождения, давно устарел, поскольку современные научно-технические и связанные с ними биологические труды ставят под сомнение проявление такого рода ограничения правоспособности, ведь решению вопроса относительно начала человеческой жизни не просто не может, а даже не должно каким-либо образом противоречить объективное знание естественнонаучного характера. Как и другие сторонники абсолютистской теории, автор отмечает необходимость законодательного закрепления признания правоспособности за эмбрионом с момента зачатия, ведь он выступает в качестве существа – самостоятельного, живого и человеческого.

Учёный утверждает, что нельзя оспаривать связь, наблюдающуюся между признанием человеком и презумпциями его индивидуального и неповторимого. И поскольку процесс зачатия и дальнейшего развития человеческого эмбриона выступает в качестве биолого-физиологического подтверждения его уникальности, то данный факт можно трактовать как реальную возможность по наделению его правоспособностью, и, так как

о проявлении индивидуальности у человека можно говорить с первых моментов его зачатия, то именно данный этап и служит основой в правовом признании эмбриона в качестве высшей ценности не только для его родителей, но и для государства.

Интересной в данном случае будет являться позиция Е.В. Перевозчиковой [11, с. 22], которая, помимо того, что выражает свой научный интерес через идеи по включению эмбриона в структуру правоотношений в качестве субъекта права с закреплением за ним неотчуждаемого и естественного права на жизнь с момента зачатия, также поднимает вопрос относительно рассмотрения эмбриона в качестве субъекта права через призму репродуктивных прав человека. Автором подчёркивается отсутствие единства в определении всей совокупности репродуктивных прав. Их содержание, исходя из международных документов, включает в себя:

1. право иметь детей;
2. право временно избегать появления детей (естественным либо же искусственным путём);
3. право отказаться от такого права вовсе.

Однако автор выделяет, что данный перечень содержит только один вид репродуктивных прав, соответствующий самому значению слова «репродуктивный» – это именно право иметь детей, остальные же права попросту предполагают отказ от продолжения своего рода. Е.В. Перевозчикова подчёркивает, что современное российское законодательство развивается по пути либерального подхода, сущность которого заключается в предоставлении женщинам неограниченной свободы в вопросах беременности. Основой данной позиции выступают взаимосвязанные идеи, в соответствии с которыми у эмбрионов отсутствует личностный статус, тогда как женщина наделена правами по распоряжению своим телом.

Авторами же второй точки зрения эмбрион рассматривается как биологический объект человека, поскольку с момента отделения от человеческого организма обладает признаками, присущими всем объектам гражданских прав (полезностью, дискретностью и др.) [12].

В большей степени приверженцы подхода, заключающегося в отнесении эмбриона к категории вещей, основывают свои доводы либо на том факте, что на доимплантационном этапе развития у эмбриона отсутствуют какие-либо индивидуальные черты, либо же на факте присутствия во многих странах легализованных аборт. Именно эти доводы выступают «фундаментом научных работ» Ю.Ф. Дружининой [14], А.Р. Пурге [13], которые, помимо отнесения человеческого эмбриона *in vitro* к категории вещей, подчёркивают свойственные ему признаки, представляющие собой совокупность следующих черт:

1. индивидуальная определённость;
2. движимость;
3. «механическая (природная) сложность»;

4. неделимость либо же делимость (в зависимости от того, какая цель преследуется).

Причём помимо стандартных черт, свойственных любой вещи, авторами выводится ещё одна, специальная черта – спецификация, заключающаяся в слиянии ооцитов и сперматозоидов для образования в последующем человеческого зародыша.

В.В. Самойлова [15], выступая приверженцем релятивистского подхода, выделяет у эмбриона ещё одну черту – потребляемость, связывая это с тем, что прекращение его существования определяется моментом инсеминации, то есть прикреплением к женскому организму. Определение же субъектного состава (донор, медицинская организация или же пациент), обладающего правами собственности на эмбрион *in vitro*, будет определяться исходя из самих целей относительно предоставленного репродуктивного материала.

Основные доводы, изложенные в научных работах вышеуказанных авторов, по-своему интересны и относятся к ним стоит с особой осторожностью, поскольку не стоит забывать о том, что признание эмбриона объектом гражданских прав автоматически влечёт его оборотоспособность, однако такие сделки нельзя расценить как соответствующие общепризнанным положениям морали и нравственности, в силу чего они должны рассматриваться как ничтожные по правилам ст. 169 ГК РФ.

Наиболее верной является третья точка зрения, относительно которой правовая природа эмбрионов должна рассматриваться касательно концепции *sui generis*, когда эмбрион и плод человека следует рассматривать в качестве особого субъекта, точнее квазисубъекта права.

При этом стоит отметить, что под квазисубъектом права понимается лицо правообладательное, то есть исключительно носитель субъективного права, чья социально-правовая ценность, а также значимость признана в правовом сообществе [16]. При этом данное лицо, исходя из его характерных черт, не может выступать в качестве полноценного субъекта права ввиду невозможности наложения на него каких-либо обязанностей, так как непонятен процесс привлечения его к юридической ответственности за их невыполнение.

В качестве одного из первых примеров хотелось бы привести научную работу А.С. Шабановой [18], отличительная особенность которой проявляется в том, что автором проводится сравнительный анализ с использованием общих документов по правам человека, а также национального права, которые выступают в качестве некой основы, позволяющей произвести собственные умозаключения по выделению эмбриона в качестве особого субъекта права. Помимо упоминания автором существующих на сегодняшний день основных точек зрения относительно определения правового статуса человеческого эмбриона, подчёркивается и его уникальность, однако, как объекта материального

мира, который единственный по своей природе в результате развития может «сформировать» полноценного человека. А.С. Шабанова, ссылаясь на международное законодательство, выделяет ряд важных словосочетаний, лишь при одном прочтении которых можно увидеть противоречия с основными мыслями автора, в частности, *«ребёнок – физически и умственно незрелый организм, для которого стоит предусмотреть специальную охрану и заботу как до, так и после его рождения»*; *«закон охраняет право на жизнь, в целом, с момента зачатия»*, однако А.С. Шабанова делает всё возможное, чтобы убедить нас в необходимости законодательного закрепления критерия «зачатие» для определения момента возникновения у данного организма права на жизнь.

Также стоит обратиться к научной работе О.В. Горбуновой [19] «Договор хранения эмбрионов человека при применении вспомогательных репродуктивных технологий», которую можно рассматривать как некое новаторство, поскольку она является одним из первых в российской юридической литературе исследований, посвящённых проблемам регулирования правоотношений, которые напрямую связаны с хранением эмбрионов человека на договорной основе. Данное исследование содержит идею признания человеческого эмбриона особым объектом гражданских прав, в частности, подчёркивается, что биообъекты человека, в группу которых входят и эмбрионы, по всем своим признакам (общие для всех биологических объектов признаки: значительная нематериальная ценность; происхождение от человеческого организма; телесность; уникальность и др., специальные признаки, свойственные исключительно эмбрионам человека: множественность лиц относительно вещных и обязательственных правоотношений, поскольку его создание характеризуется участием двух людей, точнее их биологических материалов; выступает в качестве некоего потенциала человеческой жизни (будущего субъекта права)) должны быть выделены в отдельную группу объектов – *«иное имущество»*. Обоснование своей точки зрения автор строит на трудах А.Н. Лысенко [20], предлагавшего авторскую концепцию в формировании правового режима иных (новых) объектов гражданских прав: сперва надо проследить схожесть свойств непоименованного объекта с родовыми признаками, присущими имуществу в контексте ст. 128 ГК РФ, затем, чтобы подобрать наиболее характерные для них из элементов известных правовых режимов, – с видовыми признаками отдельного имущества, и только после всех вышеперечисленных манипуляций, в случае отсутствия возможности использования правовых режимов, которые имеются в данной правовой действительности, – следует переходить к формированию новых норм права.

Ярым противником данной концепции выступает Г.Б. Романовский [21, с. 15], поскольку, по его мнению, признание половых клеток, а также получившегося при их слиянии «биологического

сгустка», наполненного двойным набором хромосом (будущего человека), одним из видов имущества повлечёт за собой негативно-неопределённые последствия для традиционной сущности права, лишив человека правового положения – субъекта правоотношений, так как с самого начала нерождённый будет находиться в разряде объектов. Однако автор не даёт право на жизнь и абсолютистской теории, поскольку данные идеи не сочетаются с традиционными институтами опеки и попечительства, которые направлены на защиту интересов уже рождённых людей, а также с институтом наследства, когда в данные правовые отношения включается и nasciturus.

Интересным примером будет являться статья-ответ адвоката Е.А. Тарасова на научную работу Дарьи Земляничиной: «Не защищены законом». Автор настолько убеждён идеей признания эмбриона человека объектом материального мира, пусть и особым, но объектом, что наотрез отказывается наделять его естественными правами, о чём свидетельствует импрессиивно написанное им предложение: «Императивно регулировать статус эмбриона *in vitro* недопустимо». Если внимательно вчитаемся в текст статьи, можно увидеть неосознанное противоречие в самих предложениях, поскольку, говоря о существующем положении эмбриона, автор выделяет основные критерии, которыми хочет подчеркнуть несуразность включения человеческого эмбриона в структуру правоотношений, в частности, для «жизнедеятельности» нововозникших правовых институтов и принципов необходимы: общественный запрос, отсутствие регулятивной возможности у имеющихся правовых средств, осознанная потребность, которая признается всеми субъектами общественных отношений. Как видим, представленные выше критерии, дают полное основание для рассмотрения статуса эмбриона в качестве нового общественного явления, требующего законодательного регулирования, поскольку их признание в существующей действительности бесспорно, что подтверждается многочисленными научными работами большинства учёных (как известно, многочисленные научные дискурсы возникают вокруг насущных проблем, и благодаря именно им пробуждается интерес к узаконению и внедрению в практическую деятельность наиболее важных и нужных теоретических идей), выступающих за выделение эмбриону человека отдельного места в действующей системе правоотношений. Е.А. Тарасов, задаваясь вопросами об отношении к будущему возможному человеку, созданному путём клонирования, полного искусственного формирования генома и др., говорит о бессмысленности и об опасности признания эмбриона в качестве самостоятельного субъекта, поскольку не представляет, как именно стоит относиться к данному правовому явлению. Также отмечается, что любая деятельность подобного рода сперва приведёт к законодательному закреплению момента зачатия, как отправной точки в признании

субъектом прав, а затем и вовсе перейдут в научный дискурс для выработки основных идей по сбережению геномной информации.

Подытожив сказанное, автор останавливается на отнесении человеческих эмбрионов к особым объектам права без выделения для них специальных норм в действующей системе регулирования, поскольку, на его взгляд, произвольное вмешательство государства в частную жизнь самих граждан недопустимо, ведь данные действия могут довести до евгеники.

Безусловно, точка зрения автора имеет право на жизнь, однако надо понимать, что отнесение человеческого эмбриона к объектам права, хотя и к особым, включает последнего в категорию вещей.

Не менее интересным примером может служить научная статья Е.А. Останиной [17], в которой анализируется право на распоряжение своим телом с позиции цивилистики, в частности, помимо представленных тонкостей относительно пожизненного и посмертного донорства, распоряжения собственным телом в момент наступления болезни, автором рассматривается положение эмбриона в современной действительности. Подчеркивается спорность тем о признании эмбриона субъектом права, а вопросы относительно его правоспособности не имеют однозначного ответа, ведь там, где в законодательных актах можно найти декларативное отнесение эмбриона человека к субъектам права, отсутствует признание за ним всей полноты правоспособности как за уже родившимся человеком; при этом, там, где встречаются нормы, указывающие на возникновение правоспособности с момента рождения, можно обнаружить и наделение некоторыми из них частичной правосубъектностью эмбрионов. Автором высказывается мнение о категоричности точек зрения, сторонники которых признают эмбрион либо объектом, либо субъектом прав, обосновывается это тем, что, с одной стороны, при правильном проведении всех необходимых процедур для имплантации в тело матери эмбриона и при нормальном его развитии он сперва превратится в плод, а уже затем (в момент рождения) в человека, с другой же стороны, эмбрион *in vitro* – это не больше 5 дней после оплодотворения яйцеклетки, поскольку отсутствуют какие-либо исследования, на основе которых можно заключить у наличия у него сознания на таких ранних этапах развития. Вникнув в текст статьи, можно обнаружить, что эмбрион человека стоит рассматривать как элемент особого правового явления. Дело в том, что с опорой на научную статью Г. Дамшена и Д. Шёнекера («При сомнении – в пользу эмбриона») Е.А. Останина высказывает мнение о необходимости относиться к эмбриону таким образом, чтобы обеспечить максимальную защиту его дальнейшего превращения в человека, пока не будет поставлена точка в вопросе его законодательной определённости.

Помимо изложенного, стоит обратиться к научным данным эмбриологии, согласно которым под эмбрионом следует понимать человеческий зародыш, обозначающий начальные стадии развития человеческого организма с момента слияния гамет до конца второго месяца внутриутробной жизни, в обозначенный временной период которой эмбрион получает очертания человека, а также достигает примерно двух сантиметров в длину, в период же от трёх месяцев до появления на свет ребёнок именуется плодом человека.

Стоит отметить, что цивилистика знакома с понятием «эмбрион человека» со времён развития и расцвета римского частного права, использовавшего понятие «наситурус», то есть ещё не родившегося человеческого организма, но уже зачатого на момент смерти своего погибшего отца и имеющего право претендовать на его имущество [22].

Многие страны романо-германской правовой семьи, распространяя концепции римского права в рамках своих автономных территориальных границ, устанавливают подобные правовые положения в своих нормативных правовых актах.

Так, в качестве общего примера можно отметить Конвенцию ООН о правах ребёнка, где, прибегая при прочтении к расширительному толкованию статьи 1, можно заключить, что каждое человеческое существо до 18-летнего возраста, к которому относится эмбрион и плод человека, это ребёнок. Также отмечено, что государства, легализовавшие нормы данной Конвенции для применения в рамках своей правовой системы, безоговорочно должны уважать и обеспечивать надлежащую защиту тех прав, что закреплены за каждым ребёнком в Конвенции, при этом стоит подчеркнуть один из основных принципов, закрепляющий запрет дискриминации в зависимости от рождения ребёнка.

То есть, по сути, сам международный правовой акт, к которому присоединилась Россия, невольно выделяет эмбрион и плод человека в качестве субъектов права, за которыми должны быть признаны основные их права (право на жизнь, на выживание, на здоровое развитие и т.д.).

Стоит выделить и законодательство Республики Эквадор, где относительно Основного закона можно установить, что государством человеческий эмбрион приравнивается к субъекту права, поскольку закреплено признание и гарантия жизни посредством надлежащего ухода и защиты с момента зачатия, но помимо этого, обращаясь к соответствующим статьям Гражданского кодекса, можно увидеть, что данный нормативный акт обращён к теории жизнеспособности, которая, по сути, противоречит Кодексу законов о детях и подростках, защищающего жизнь с момента зачатия. Данное положение содержится в примечании к ст. 60 ГК РЭ, также отмечается, что, применяя принципы нормативного толкования, преимущество будет отдано Кодексу законов о детях и подростках, со-

держащим нормы специального регулирования. Сразу же надо сказать, что в Гражданском кодексе хоть и отмечается следование нормам теории жизнеспособности, в нём всё-таки можно наблюдать регламентированную защиту будущего ребёнка, поскольку в статье 61 отмечено, что судья либо по надлежащему требованию стороны, либо по собственной инициативе при рассмотрении дела, в рамках которого затрагиваются права ещё не рождённого ребёнка, может принять необходимые для его защиты меры при наличии соответствующей угрозы опасности в его адрес.

Также в рамках рассматриваемой категории дел в качестве примера можно привести единственное постановление Европейского Суда по правам человека, в котором человеческие эмбрионы названы «вещью» – Постановление «Кнехт (Knecht) против Румынии» (жалоба № 10048/10). Так, задолго до обращения в суд заявительница – Даниела Кнехт – из-за проблем со здоровьем прибегла к зачатию ребёнка при помощи ЭКО на базе медицинского центра S., в результате чего врачам удалось создать 19 эмбрионов, при этом три из них были имплантированы, оставшаяся часть эмбрионов была заморожена до того момента, пока её лечащий врач не выдаст заключение на возможность выносить ещё одного ребёнка, в соответствии с чем между пациенткой и медицинским центром был подписан протокол, содержащий информацию, в том числе о том, что в 15–20% жизнеспособность размороженных эмбрионов равняется нулю, что препятствует их переносу в тело женщины. Однако впоследствии заявительница узнаёт, что медицинский центр был закрыт Управлением по расследованию правонарушений в области организованной преступности и терроризма Генеральной прокуратуры Румынии (DPICT), в которое она обратилась в силу своей обеспокоенности относительно состояния её 16 эмбрионов с просьбой разъяснения порядка по их возвращению, на что ответным письмом она была уведомлена о невозможности идентификации эмбрионов в силу отсутствия необходимых документов, закрепляющих их за соответствующим пациентом, в соответствии с чем ей посоветовали найти врача-эмбриолога, который непосредственно свяжется с DPICT по данному вопросу. Однако национальное трансплантационное агентство, напротив, отказало ей в силу отсутствия необходимых сведений относительно условий их хранения. Предприняв необходимые меры по обращению в национальные суды, которые особо ничего не дали, Даниела Кнехт приняла решение обратиться в Европейский Суд с просьбой об указании властям Румынии разрешить вернуть ей своих эмбрионов. В рамках разбирательств по данному делу эмбрионы были отнесены к категории вещей, однако под термином «вещь» понимается объект материального мира, имеющий статус вещественного доказательства по уголовному делу. Это же дело обнажило проблему отсутствия сформулиро-

ванных правовых позиций большинства государств в сфере трансграничной передачи эмбрионов, «принадлежность» которых может вступать в противоречие с гражданством лиц, у которых они были изъяты.

В качестве другого примера, который поможет определить является эмбрион субъектом или объектом гражданских прав или же нет, можно привести дело «Паррилло (Parrillo) против Италии». Доводы властей Италии были следующего характера: «Человеческий эмбрион нельзя считать «вещью», а значит, и придавать ему экономическую ценность недопустимо. Власти Италии отмечали, что в правовой системе страны человеческий эмбрион – это субъект права, который требует обращения, достойного человека». В противовес им шли доводы заявительницы, которая утверждала, что эмбрионы, зачатые в результате ЭКО, нельзя считать «людьми», ведь, если их не имплантировать, они не смогут развиваться в человеческие зародыши и появиться на свет, в ходе чего она пришла к выводу, что с юридической точки зрения эмбрионы являются «имуществом».

Помимо вышеизложенных доводов, судом были учтены мнения организаций, вступивших в производство по делу в качестве третьих лиц. Так, к примеру, Европейский центр права и справедливости (ЕЦПС) утверждал, что эмбрионов нельзя относить к категории «вещей», поскольку понятию имущества свойственен экономический смысл, что должно быть исключено в случае с эмбрионом и, соответственно, их умышленное уничтожение недопустимо. Принимая итоговое постановление, суд определил, что с учетом экономической и имущественной направленности статьи 1 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» человеческие эмбрионы ни при каких обстоятельствах нельзя приравнивать к «имуществу» по смыслу ее положений.

Особый интерес вызывает и практика Конституционного Суда РФ. В одном из своих постановлений судебному органу пришлось решать вопрос о соответствии Конституции нормы, регламентирующей возникновение правоспособности у граждан. В силу своей значимости и определенной сложности Конституционным Судом неоднократно разъяснялась природа института компенсации морального вреда в рамках российской правовой системы. Однако вопрос состоит и в другом: положена ли она человеческому эмбриону либо же плоду. В рамках данного дела Судом был сделан вывод о том, что правоспособность, возникающая у гражданина в момент его рождения, не является основанием для отказа в реализации ребёнком, который родился после смерти отца, своего субъективного права – требовать компенсировать моральный вред, который был причинён в связи с нарушением его личных нематериальных прав, а также иных материальных благ, которые принадлежат от рождения.

То есть, по сути, Конституционный Суд своим постановлением высказался о том, что у ребёнка

(стоит заметить, что Судам был использован именно данный термин, что лишний раз наталкивает на мысль о косвенном признании эмбриона, а также плода человека равным самому человеку, исключая его относимость к объектам права), который был зачат при жизни своего родителя, но ещё не родился, уже возникает право требования в отношении третьего лица, который своими действиями принёс ему, хоть и не напрямую, вред.

Данный судебный акт является поводом для дальнейшего рассуждения.

В частности, может ли кто-то требовать компенсировать моральный вред ребёнку, родители которого погибли в результате дорожно-транспортного происшествия и, как следствие, он остался без их попечения и был помещён в дом ребёнка? Если да, то кто может требовать данную компенсацию?

Отвечая на поставленные выше вопросы, можно сказать, что наиболее верным и справедливым решением будет наделение правом требования социального органа – Управление социальной политики Министерства социальной политики соответствующего субъекта, – который через своих служащих должен инициировать судебное разбирательство для производства судебной защиты нарушенных прав ребёнка.

В соответствие с этим, хотя и не удастся восстановить баланс интересов ребёнка, чьи родители погибли, ввиду неизгладимой утраты, однако это даст возможность возместить хоть какой-то моральный вред, который был причинён в связи с нарушением его личных неимущественных прав, а также иных материальных благ, которые принадлежат ему от рождения.

Также не совсем понятно, как поступать в ситуации, когда в целях поиска суррогатной матери эмбрионы были криоконсервированы, однако в результате непредвиденных обстоятельств один из генетических родителей погиб, второй же требует признать за эмбрионом обязательную долю в наследственной массе, однако родители погибшего против.

Эти и другие вопросы являются ярким доказательством того, что современное законодатель-

ство нуждается в непосредственном реформировании с учётом существующей действительности, от которой оно сильно отстаёт.

Стоит выделить тот факт, что в качестве основного показателя правового характера государства, а также показателя демократичности самого общества выступает уровень судебной защиты. В связи с чем, при расширении круга прав личности, охраняемых законом, при углублении их содержания в рамках множественности и различности экономико-социальных связей на суд возлагается особая ответственность при осуществлении правосудия, из-за чего в последующем возрастает его значение в качестве фактора, влияющего на стабильность общества в целом.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что современное законодательство лишено нормативного регулирования правовых отношений, участниками которых невольно становятся квазисубъекты права, в связи с чем современная реальность диктует свои правила, из-за чего отсутствие законодательного реагирования на развивающиеся общественные отношения может ввести страну в стагнирующее состояние. Для того чтобы избежать этих негативных последствий, хочется предложить следующие рекомендательные изменения:

1. Наделить социальный орган соответствующего субъекта Российской Федерации правом инициировать судебное разбирательство в интересах ещё не родившегося ребёнка, который в результате неправомерных действий сторонних лиц лишился генетических родителей, в целях защиты его нарушенных прав путём установления компенсации морального вреда.

2. Предусмотреть защиту прав криоконсервированного эмбриона в рамках судебного разбирательства с обязательным участием прокурора и социального органа соответствующего субъекта Российской Федерации в наследственных спорах, когда один из наследников против выделения ему обязательной доли, с необходимостью выяснения целесообразности выделения таковой в каждом конкретном случае.

Список источников

1. Пономарева Ю.Ю. Судебная защита прав человека и гражданина: исторические этапы развития // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 3(24). С. 164–168.
2. Умнова-Конюхова И.А. Судебная защита личных прав и свобод в Российской Федерации: актуальные проблемы теории и практики: учебное пособие / И. А. Умнова-Конюхова, Е. Д. Костылева. Москва: РГУП, 2022. 156 с.
3. Стетин А.Б. К вопросу о формах защиты частного права // Современное право. 2017. № 8. С. 40–43.
4. Стремouxов А.В. Право человека на защиту и формы его защиты в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1 (47). С. 9–20.
5. Вершинин В.Б. Институт судебной защиты: признаки и сущность // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 6(86). С. 305–309.
6. Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. Москва: Издательский дом "Городец", 1997. С. 59–60.
7. Терехин В.А. Право личности на судебную защиту и институт судебной защиты: содержание и соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 8. С. 52–60.

8. Грудцына Л.Ю. Государственные гарантии судебной защиты прав и свобод и особенности их реализации в гражданском судопроизводстве // Международный академический журнал Российской академии естественных наук. 2014. № 4. С. 89–98.
9. Гибадуллина Л.Т. Правовой статус плода и эмбриона в российском и зарубежном праве // Теория и практика современной юридической наук. 2017. URL: <http://izron.ru/articles/teoriya-i-praktika-sovremennoy-yuridicheskoy-nauki/> (дата обращения: 14.12.2023).
10. Зайцева А.М. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. С. 17–22.
11. Перевозчикова Е.В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 26 с.
12. Аполинская Н.В. Биологические объекты человека в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. С. 5–6.
13. Пурге А.Р. Правовое положение эмбрионов в современном праве России // Молодой ученый. 2012. № 2. С. 202–204.
14. Дружинина Ю.Ф. Правовой режим эмбриона *in vitro* // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 129–140.
15. Самоилова В.В. Российское и зарубежное семейное законодательство о применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) // Семейное и жилищное право. 2010. № 3. С. 7–11.
16. Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 32 с.
17. Останина Е.А. Право на свое тело: распоряжения в отношении органов, тканей, клеток и эмбрионов с позиций гражданского права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 8. С. 156–195.
18. Шабанова А.С. Правовой режим эмбриона человека *in vitro*: общие документы по правам человека и национальное право // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 3. С. 18–23.
19. Горбунова О.В. Договор хранения эмбрионов человека при применении вспомогательных репродуктивных технологий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2020. 27 с.
20. Лысенко А.Н. Понятие и виды имущества в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 26 с.
21. Романовский Г.Б. Правовая охрана материнства и репродуктивного здоровья. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2016. 216 с.
22. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / Д.В. Дождев; под общ. ред. В. С. Нерсисянца; Ин-т государства и права Российской акад. наук, Академический правовой ун-т. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Норма, 2008. 783 с.

References

1. Ponomareva Yu.Yu. Sudebnaya zashchita prav cheloveka i grazhdanina: istoricheskie etapy razvitiya [Judicial protection of human and civil rights: historical stages of development], *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Bulletin of Social Sciences]*, 2012, no. 3(24), pp. 164–168. (In Russ.).
2. Umnova-Konyukhova I.A. Sudebnaya zashchita lichnykh prav i svobod v Rossiiskoi Federatsii: aktualnye problemy teorii i praktiki: uchebnoe posobie [Judicial protection of personal rights and freedoms in the Russian Federation: actual problems of theory and practice: a textbook], I. A. Umnova-Konyukhova, E. D. Kostyleva. Moscow: RGUP Publ., 2022, 156 p. (In Russ.).
3. Stepin A.B. K voprosu o formakh zashchity chastnogo prava [On the question of forms of protection of private law], *Sovremennoe pravo [Modern law]*, 2017, no. 8, pp. 40–43. (In Russ.).
4. Stremoukhov A.V. Pravo cheloveka na zashchitu i formy ego zashchity v Rossiiskoi Federatsii [The human right to protection and the forms of its protection in the Russian Federation], *Leningradskii yuridicheskii zhurnal [Leningrad Law Journal]*, 2017, no. 1 (47), pp. 9–20. (In Russ.).
5. Vershinin V.B. Institut sudebnoi zashchity: priznaki i sushchnost' [Institute of judicial protection: signs and essence], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Tambov university. Series: Humanities]*, 2010, no. 6 (86), pp. 305–309. (In Russ.).
6. Zhuikov V.M. Sudebnaya zashchita prav grazhdan i yuridicheskikh lits [Judicial protection of the rights of citizens and legal entities], Moscow, Gorodets Publishing House, 1997, pp. 59–60. (In Russ.).
7. Terekhin V.A. Pravo lichnosti na sudebnuyu zashchitu i institut sudebnoi zashchity: sodержание i sootnoshenie ponyatii [The right of an individual to judicial protection and the institution of judicial protection: the content and correlation of concepts], *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice]*, 2009, no. 8, pp. 52–60. (In Russ.).
8. Grudtsyna L.Y. Gosudarstvennye garantii sudebnoi zashchity prav i svobod i osobennosti ikh realizatsii v grazhdanskom sudoproizvodstve [State guarantees of judicial protection of rights and freedoms and features of their implementation in civil proceedings], *Mezhdunarodnyi akademicheskii zhurnal Rossiiskoi akademii*

estestvennykh nauk [International Academic Journal of the Russian Academy of Natural Sciences], 2014, no. 4, pp. 89–98. (In Russ.).

9. Gibadullina L.T. Pravovoi status ploda i embriona v rossiiskom i zarubezhnom prave // The legal status of the fetus and embryo in Russian and foreign law. // *Teoriya i praktika sovremennoi yuridicheskoi nauk [Theory and practice of modern legal science]*. 2017. (In Russ.). Available at: <http://izron.ru/articles/teoriya-i-praktika-sovremennoy-yuridicheskoy-nauki/> (accessed 12/14/2023).

10. Zaitseva A.M. Konstitutsionnoe pravo na zhizn' i reproduktivnye prava cheloveka: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Constitutional right to life and reproductive human rights: Cand. Law sci. dis. Abstr.]. Moscow, 2009, pp. 17–22. (In Russ.).

11. Perevozchikova E.V. Konstitutsionnoe pravo na zhizn' i reproduktivnye prava cheloveka: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Constitutional right to life and reproductive human rights: Cand. Law sci. dis. Abstr.]. Kazan, 2006, 26 p. (In Russ.).

12. Apolinskaya N.V. Biologicheskie ob"ekty cheloveka v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Biological human objects in the civil law of the Russian Federation: Cand. Law sci. dis. Abstr.]. Irkutsk, 2009, pp. 5–6. (In Russ.).

13. Purge A.R. Pravovoe polozhenie embrionov v sovremennom prave Rossii [The legal status of embryos in modern Russian law], *Molodoi uchenyi [Young scientist]*, 2012, no. 2, pp. 202–204. (In Russ.).

14. Druzhinina Yu.F. Pravovoi rezhim embriona in vitro [The legal regime of the embryo in vitro], *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2017, no. 12, pp. 129–140. (In Russ.).

15. Samoilova V.V. Rossiiskoe i zarubezhnoe semeinoe zakonodatel'stvo o primenении vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologii (VRT) [Russian and foreign family legislation on the use of assisted reproductive technologies (ART)], *Semeinoe i zhilishchnoe pravo [Family and housing law]*, 2010, no. 3, pp. 7–11. (In Russ.).

16. Ponomareva E.V. Sub"ekty i kvazisub"ekty prava: teoretiko-pravovye problemy razgranicheniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Subjects and quasi-subjects of law: theoretical and legal problems of differentiation: Cand. Law sci. dis. Abstr.]. Yekaterinburg, 2019, 32 p. (In Russ.).

17. Ostanina E.A. Pravo na svoe telo: rasporyazheniya v otnoshenii organov, tkanei, kletok i embrionov s pozitsii grazhdanskogo prava // [The right to one's body: orders regarding organs, tissues, cells and embryos from the standpoint of civil law], *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation]*, 2019, no. 8, pp. 156–195. (In Russ.).

18. Shabanova A.S. Pravovoi rezhim embriona cheloveka in vitro: obshchie dokumenty po pravam cheloveka i natsional'noe pravo [The legal regime of the human embryo in vitro: general documents on human rights and national law], *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy [Journal of Legal and Economic Research]*, 2019, no. 3, pp. 18–23. (In Russ.).

19. Gorbunova O.V. Dogovor khraneniya embrionov cheloveka pri primenении vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The contract for the storage of human embryos in the application of assisted reproductive technologies: Cand. Law sci. dis. Abstr.]. Ulyanovsk, 2020, 27 p. (In Russ.).

20. Lysenko A.N. Ponyatie i vidy imushchestva v grazhdanskom prave Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The concept and types of property in Russian civil law: Cand. Law sci. dis. Abstr.]. Krasnodar, 2007, 26 p. (In Russ.).

21. Romanovsky G.B. Pravovaya okhrana materinstva i reproduktivnogo zdorov'ya [Legal protection of motherhood and reproductive health]. Moscow: Prospekt Limited Liability Company Publ., 2016, 216 p. (In Russ.).

22. Dozhdev D.V. Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti "Yurisprudentsiya" [Roman private law: textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty "Jurisprudence"]. D. V. Dozhdev; D. V. Dozhdev; under the general editorship of V. S. Nersisyan; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Academic Law University, 3rd ed., ispr. and add. Moscow: Norma Publ., 2008, 783 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бешлей Никита Русланович, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация, Арбитражный суд Свердловской области, помощник судьи, г. Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: beshley.nikita@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Beshley Nikita Ruslanovich, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation, Arbitration Court of the Sverdlovsk region, assistant judge. Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: beshley.nikita@mail.ru

Поступила в редакцию 10.02.2024 г.;
одобрена после рецензирования 28.02.2024 г.;
принята к публикации 05.03.2024 г.

Received 10.02.2024; approved after reviewing
28.02.2024; accepted for publication 05.03.2024